

АЛЕКСЕЙ МИХЕЕВ

Тысяча девятьсот сотый

РОМАН-МАНТРА

Алексей Михеев

**Тысяча девятьсот
сотый. Роман-мантра**

«Издательские решения»

Михеев А.

Тысяча девятьсот сотый. Роман-мантра / А. Михеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968439-4

Откровение Изначального Света. Метамодернизм. История одной мысли. Роман-мантра — это взгляд внутрь, интроспективное погружение на самую глубину. Сканирование всего того, что скрыто в «подвале» души: кресла, старые кассеты и журналы, крысы... Всё-всё тащим наружу! Только оценив состояние фундамента, можно воздвигнуть здание до звезды. Когда Изначальный Свет смотрит сам на себя в зеркало, и увиденное там ему нравится — жизнь продолжается. Если же не нравится, игровой диск жизни меняется на другой.

ISBN 978-5-44-968439-4

© Михеев А.
© Издательские решения

Содержание

О М-ном-ном	8
Н А цболь	11
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тысяча девятьсот сотый Роман-мантра

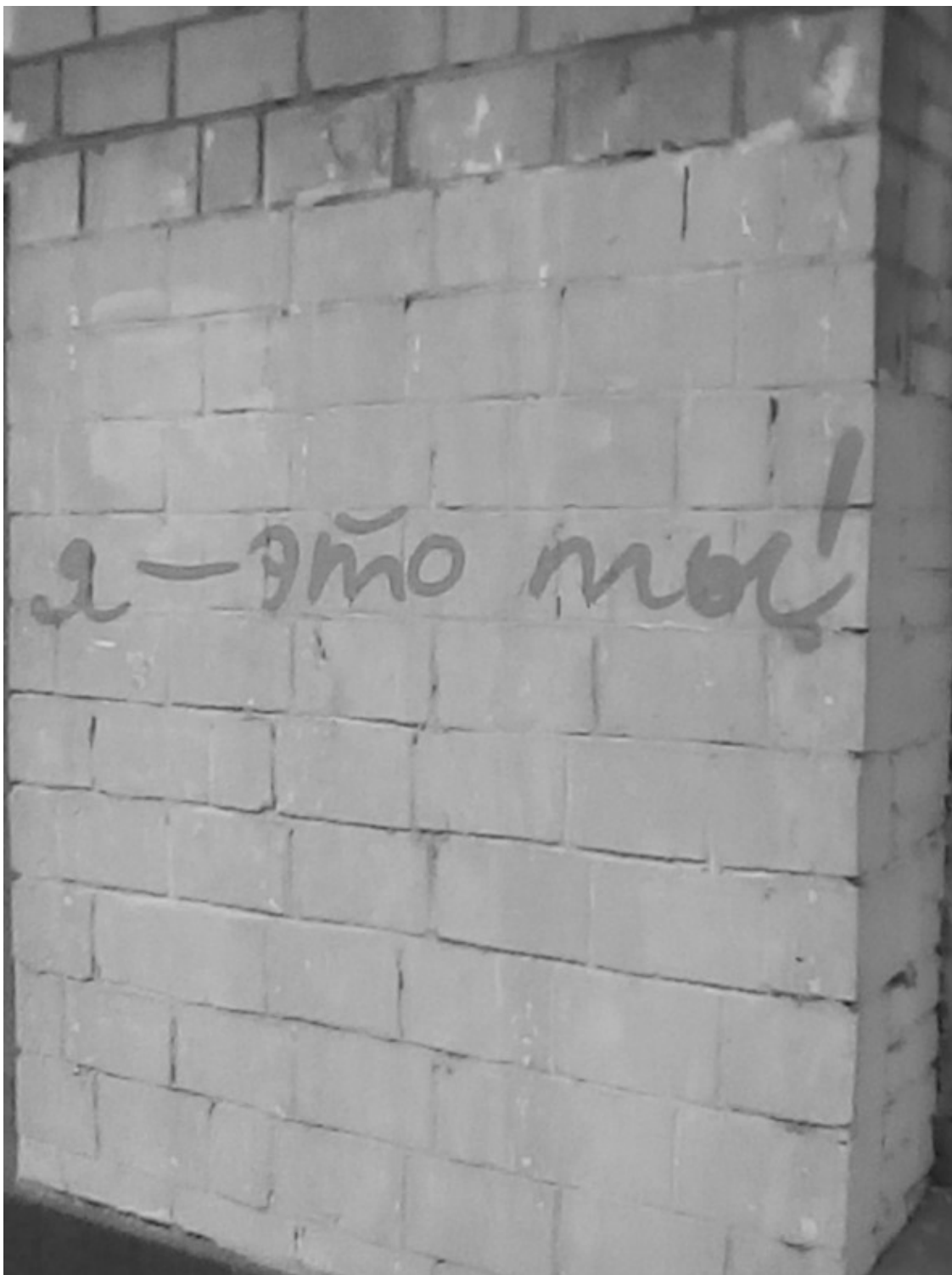
Алексей Михеев

Художник Анастасия Москвитина

© Алексей Михеев, 2019

ISBN 978-5-4496-8439-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Хочу погубить вас всех лаской,
Используя все части тела,
Так, чтобы огнем кровь кипела,
Взрываясь в убийственной сказке.*

*Хочу разорвать себе душу,
Пить кровь и есть сердце на ужин.
Иное задаром не нужно
Тем, кто пульс неба слушал» (Нарочный)*

«День смерти – как день рождения!» (Ступа)

*«Я о многом хотел спросить
Не кого-нибудь, а самих богов,
Но боги спят, оборвав нить
Между Светом и Тьмой,
Между мной и собой» (Ступа, edited by Нарочный)*

*«В этих лицах я вижу листья —
У них у всех гепатит!»
(Ступа)*

*«Он, раздробившись на сотни святых,
Смотрит за всеми и вся.
Тысячи серых, похожих —
Таких, что отличить их нельзя.*

*Серый святой в наших мыслях и снах
Двигается, словно живой,
И, раздробившись, он в этих частях
Сам остается собой» (Крупа, edited by Нарочный)*

О М-ном-ном

Александр Петрович Дозин, придерживая левой рукой стакан, наполнил его почти до краев водой из графина. Отпивая понемногу, постоял возле окна кухни. За стеклами тринадцатого этажа виднелись такие же высотки, как и дом самого Александра Петровича. Высотки сгруппировались, окружили со всех сторон островки деревьев, зеленевших августовским камуфляжем листвы, но пока еще не окончательно сломили их боевой дух. Вдоль «линии фронта»

шло движение – то неторопливое и прогуливающееся, то по-столичному спешное. Осаде периодически подвергались аптека, рынок и сетевой продуктовый – в бой шли отчаянные старики-пенсионеры, скучающие молодые люди, деловитые семейные пары. Хоть глаза Александра Петровича, почти век созерцавшие этот мир, уже не различали деталей с такой высоты, бинокль его цепкой памяти дорисовывал недостающие черты.

Оторвавшись от окна, Дозин захватил наполовину опустошенный стакан и проследовал в свою комнату, или, как он иногда называл ее, «тронный зал». Там он сел в специально изготовленное по его заказу кресло, почти что трон – дубовое, массивное, с прямой крепкой спинкой и резным детальным орнаментом, покрытым разноцветным лаком. Вспомнилось, как лет десять назад это кресло, тихонько матерясь, шутя и потея, с немалым трудом внесли в комнату и поставили у стены двое грузчиков. Так оно простояло до второго года третьего десятилетия двадцать первого века, и стояло до сих пор – оригинальный влетевший в копеечку предмет быта, всегда обращавший на себя внимание тех немногих, кто время от времени оказывался в квартире Дозина. Казалось, что широкие подлокотники вечно обдувает ветром: резец мастера изготовил по макету Александра Петровича согнутые дыханием Стрибога цветы-розетки, летящих птиц, динамичные волнистые узоры и кленовые листья, угоняемые в Вечность воздушными завихрениями урагана. Точно так сейчас уносило в Вечность и самого Дозина. На спинке, перпендикулярной полу, в глаза бросались языки отчетливо выделявшегося багрового пламени. Среди них мелькали ветки деревьев, ночные мотыльки, Луна и звезды. Ножки кресла, словно вросшие, прочно стояли на полу, символизируя землю, и по ним среди драгоценных и полудрагоценных камней спиралевидно поднимались зеленые гады и черви. Глаза у змей были опаловыми. На сиденье «трона» расплескалось голубое озеро с осокой, камышами, лотосами и одиноким белым лебедем.

Допив воду, Александр Петрович убрал стакан на стоявший справа журнальный столик и приготовился к вращению на колесе обозрения прошлого. Необходимо было заново пережить основные моменты былого перед тем, как раствориться в Изначальном Свете вновь.

В зеркале за стеклянной дверцей стенки напротив «трона» Дозин видел себя: легкий, сухой; взгляд при этом тяжелый, въедливый, сильный. Казалось, насквозь всю душу собеседника видит хозяин такого взгляда. Мало кто понял бы: суров-то старец к себе самому... Впрочем, раньше взгляд был добрей. Лицо у старца в пятнах; он давно уже седой как лунь – остатки волос еще кое-где белеют. Александр Петрович очень болен. Под глазами – мешки. По углам рта – смешки-морщинки от столетней мимики. Крупный прямой нос. Спина, спасибо хатхе, выдержала груз лет, не став уродливой от сутулости. Крупные вены на кистях рук, торчащих из коротких рукавов клетчатой рубашки.

Старец выпрямил спину и закрыл глаза, накрыв левой ладонью сжатый правый кулак и перекрестно соединив большие пальцы, после чего положил скрепленные руки между ног. Какое-то время назад он отказался от лотоса и некоторых других асан, бывших ему привычными, и теперь медитировал и посылал сигналы в прошлое сидя.

За девяносто девять лет своей жизни Александр Петрович выстроил прочный мост в прошлое. Впрочем, «жизнь» – некорректное понятие, поскольку все формы «одушевленной» и «неодушевленной» материи всех времен в совокупности – объединенный единством сюжета акт пьесы Изначального Света. Сидя на «троне», Дозин день изо дня сквозь ткань бытия посылал по нейронному мосту в прошлое нервные импульсы. Там, в прожитых годах, осталось почти что всё. Туда, в прошлое, Дозин плавно переходил, растворяясь во времени. Его года – его богатство! Именно так – от слова «Бог». Ибо он и был странствующим Богом, как и всё вокруг – в прошлом и будущем. Некогда Дозин считался человеком будущего, ибо в грядущее были устремлены все его планы и чаяния. Теперь, без сомнения, он был человеком прошлого. Всё меньше живя в настоящем, и всё полноценнее – в мире прошлого, он дожидался времени подведения итогов и последнего перехода.

Александр Петрович принялся делать ежедневную ретроспективную медитацию, и вскоре вся Вселенная запрокинулась, перевернулась, переформатировалась и растворилась в громовом извечном шепоте.

Н А цболь

Глава 1

Качает кровь насос старческого сердца, течет она по венам. В прошлое, неся с собой совет и опыт, утекает субстрат душевного мира.

Александр Петрович Дозин родился десятого апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года. Почти ровесник СССР, но всё же не настолько старый – так любил шутить Дозин раньше. Сейчас не шутит – Союз давно уже похоронен в памяти людской, и молодежь без помощи вики не поймет шутку.

Двадцатые того века – отнюдь не томные. Красный советский ян доедал белогвардейский инь, уже присматривая себе новую диету – для этого на Соловках вот-вот должен был родиться СЛОН. Мать Саши Мария Павловна, прекрасно готовившая, стала работать шеф-поваром в воспетой Владимиром Маяковским столовой Моссельпрома – бывшей «Праге», когда мальчику было два. Таким образом, пока столовую не закрыли в тридцатых, в семье всегда была еда. Отец Саши Петр Андреевич, лишившийся в гражданскую левой руки, был демобилизован в начале двадцатых. Вернувшись, работал в РОКК, которое с двадцать третьего года стало называться «Советским Красным Крестом».

Семья ютилась в коммуналке на Ордынке – неподалеку от того места, где позднее возник северный вестибюль станции метро «Павелецкая». Метро это в проекте именовалось – «Донбасская». Утвердись сие название, и – кто знает? – возможно, на востоке Украины не возник бы кризис через десятки лет.

Вместе с Марией, Петром и маленьким Сашей обитал дед Саши Андрей Валерьевич – отец Петра. Андрей Валерьевич прожил жизнь трудовую – проработал на Трехгорной мануфактуре более сорока лет. Походил в свое время в ремесленную школу при фабрике – мастерство оттачивал, да и вечерние классы посещал – учился грамоте. Всю библиотеку перечитал там же, потом свою собрал немалую. Была у него и творческая жилка: в фабричном театре с легким ажиотажем прошли спектакли по всем трем пьесам Андрея Валерьевича: «Горбом к успеху!», «Талант не зарывай!» и «Шапка для Васьки». В последнем драматург даже сам сыграл главную роль.

Петр Андреевич не пошел по стопам родного отца – книжек сторонился, остроту ума не оттачивал. Началась война – вот тут он и проявил героизм! Ни себя самого, ни других тем паче не щадил, рыская под шашками да пулями, пока конечность не отняли. Тут уж всякий охладает к баталиям. Вернулся к жене, прижили с ней сынишку.

Пока Мария в столовой руководила, а Петр в «Красном Кресте» подвизался, Андрей Валерьевич с удвоенной энергией занимался воспитанием подраставшего Сашеньки. Выучил его грамоте, и в шесть лет внук уже сам читал всякие умные книги из библиотеки деда – соображал, да кумекал, да на ус незримый мотал. Петр с уважением относился к успехам сына – жизнь новая строилась, чего от нее ждать было – непонятно. Небось, когда в голове много всякого понапихано – кривая судьбы всюду выведет... Со своей стороны, покалеченный отец старался следить по мере сил за физическим развитием сына: едва тот чуть подрос, стал показывать упражнения; вставая на одно колено, боксируя с ним единственной рукой; заставлял закаляться ледяной водой.

С тридцать третьего года Саша, уже будучи пионером, стал каждое лето отдыхать в «Артеке» – инициатором создания лагеря выступил «Красный Крест», там работал Петр Андреевич.

Вереница всех этих как значительных, так и малозначащих фактов была заархивирована в памяти Дозина, и при необходимости легко всплывала на поверхности сознания. Этот ранний период уже был подвержен сложной работе Александра Петровича, причем начинал он ab ovo, с самого начала. С помощью ретроспективной медитации Дозин переносил фокус своего ума

на те моменты в прошлом, когда врач принимал его мокрый сморщенный череп из лона Марии Павловны, и шел даже дальше. Сидя на «троне», Дозин ощущал, как его тело плавно уменьшается в размерах, сперва доходя до габаритов младенца. Когда к пупу прирастала пуповина, Дозин ментально сопровождал возврат по ней в материнское чрево, где процесс уменьшения продолжался интенсивнее, пока не достигал микроуровня. Сознание раздваивалось: в потоке семени отца часть Александра Петровича выскакивала из чрева матери, в то время как часть оставалась в нем. Вместе с Петром Андреевичем Александр Петрович отрывался от Марии Павловны резким движением, усугубляя персональную дуалистичность. На этом сеанс прерывался, ибо ментальный фокус не терпел биполярности.

Подобные переживания, как во сне, всегда сопровождались возвратом на более ранние, инфантильные состояния сознания – снова оживали страхи или радости первых лет существования. Возраст пяти лет был тем самым, начиная с которого, возвращаясь в него в виде сгустка ментальной энергии, Александр Петрович уже мог подавать сам себе некие знаки. Он же сам из прошлого был способен прочесть эти послания в явлениях окружающего мира и собственных ощущениях, по своему их трактуя и уясняя их смысл. Не то чтобы, будто всемогущий маг или ветхозаветный Иегова, Дозин возникал перед самим собой в виде какой-нибудь горячей помойки и вещал оттуда пластмассовыми мусорными губами слова мудрости, но приковать внимание к произвольно выбранным случайным событиям, придавая им семантическое поле полноценных коммуникативных единиц, или же даруя искры мимолетных внутренних образов и ощущений, он мог. Достаточно было выбрать то или иное явление или ряд образов – и язык общения был готов. Сперва это было случайное, внесистемное общение. Возврат из будущего в прошлое обеспечивал контроль над требуемыми длительностью и интенсивностью переживаний «положительных» и «отрицательных» символически трактуемых событий или образов, чтобы Александр, находящийся на более ранней стадии своего развития, мог выбрать верный вариант поведения во избежание ошибок или, что случалось гораздо чаще – мог хотя бы быть готовым к тому, что ошибка неизбежна и придется немного пострадать. Советы его всегда были смутными и лишь едва ощутимыми, потому что только такая оккультная работа над собой имела право на существование. Оккультизм Дозина был оккультизмом для себя. Александр Петрович знал, что он сам – это всё, что есть в мире. Это осознание вместе со способностью отправлять в прошлое знаки бытия, корректируя свою деятельность, пришло к Дозину в сорок один год. После этого чем больший жизненный путь он проходил, тем качественнее мог управлять своим прошлым, словно постепенно обновляя и подготавливая квартиру, в которой ему предстояло провести Вечность.

Повторим: вторым по счету после собственных родов значимым этапом «работы над собой» был взгляд из настоящего в тот период, когда мальчик Саша Дозин ходил в один из экспериментальных, как это тогда называлось, «детских очагов». В таких «очагах» соседствовали в жесткой конкуренции друг с другом методики воспитания как «западного», так и «советского» образцов. Коммунистический подход побеждал, разумеется, повсюду: советская власть заботилась о том, чтобы растущее поколение впоследствии пополняло ряды партийцев, готовых к труду и обороне. Атеистически-социалистическая неорелигия тщательно подготавливала паству – в детском очаге Дозина был даже свой «красный уголок» с образами иудеев-«спасителей». На Красной площади уже лежали «святые мощи». Почти все понимали: не зарастет тропа народная, не иссякнет поток адептов Красного культа ближайшие сто лет, если не всю Вечность.

Как-то раз, идя по территории очага и наблюдая под ногами листву, Саша заметил перышко вороны. Он подумал, что его можно было бы использовать для письма, как перья, что у Пушкина были – ему про них дед Андрей рассказывал.

Вдруг сквозь перо вороны словно прошли волны ветра, не затронувшие остальной мир. Перо начало расти прямо на глазах, изгибаясь, ломаясь на части. Ставшие полностью черными

крупницы птичьего оперенья быстро заволокли собой всю Вселенную, и настала ночь. Впрочем, видение растаяло столь же внезапно, как появилось. Мальчик не успел даже испугаться как следует, а вокруг уже снова был день. Вот и что тут будешь думать?.. Самое главное, что на этом странные события не закончились! Не успел пацан дойти до корпуса «очага», как из-под распростертого кленового листа сама собой выехала механическая заводная машинка из металла. Врезавшись в Сашину туфлю, она объехала его и погнала прочь.

Пожалуй, для Саши это было первым осознанным соприкосновением с «высшими силами». Тогда Дозин еще не ведал, что сам является одной-единственной инстанцией на всех уровнях бытия, и потому все рассуждения о том, высшим или низшим силам он создает плацдарм в пространстве и времени, лишены всякого смысла – не с кем сравнивать. Но вот формы, в которые сам себя «пакует» Свет Изначальный – отдельный разговор.

Сформированные в ходе медитативной практики ретрообразы разделенного прасознания отца-матери Дозина, терявшие свою осознанность, не покидали ноосферу, живя своей жизнью – гротескно искаженные до полной неузнаваемости сущности.

В тихий час тем же днем мальчик Саша впервые увидел перед своим мысленным взором двух людей, сидевших за столом и беззвучно обсуждавших его судьбу – мужчину и женщину. Они сидели не где-то еще на Земле, и не в его голове – просто он вышел за пределы доступного разуму мира. Эти двое управляли судьбой Дозина, уже тогда стремясь направить ее в нужное русло. Они не издавали ни звука, однако каким-то неведомым образом Саша понимал их невербальный способ коммуникации. Однажды они покинули его голову. Кем они были, Дозин узнал гораздо позже. Пока ты монада Бытия, ты слеп, а когда ты становишься всем, тебе не хватает механизмов самовосприятия.

Второй этап работы, бывший загадкой для самого Александра Петровича, обычно оставлял странное послевкусие.

Глава 2

Дозин прекратил медитировать и сделал полное йоговское дыхание: глубоко вдохнул носом, позволяя кислороду сначала наполнить область живота, потом расширить грудную клетку и, наконец, приподнять ключицы; потянулся и плавно выдохнул, «сдуваясь» в обратной последовательности. Снова вдохнул и, чуть наклонившись и на выдохе задержав дыхание, выполнил минутное наули. Закончив, он прикрыл веки и, почти не дыша, немного посидел в полном спокойствии, после чего, открыв глаза, оглядел свою комнату.

Слева на стене был приклеен на скотч лист бумаги формата «А4». На нем виднелись напечатанные в «Ворде» очень крупным светло-зеленым шрифтом четыре слова: «Принцип интересного сюжета жизни». Правый глаз при опущенном левом веке всё ещё мог различить эту надпись. Закрыв его и сощулив левый, чуть надавливая на веки пальцами, Александр Петрович сфокусировал зрение и кое-как разобрал кириллицу. Сам принцип, сформулированный им десятилетия тому назад в виде четверостишия, никуда не делся из памяти:

«Покуда Свет интересуешь ты,
Не будет жизнь твоя прожита —
Ты простоишь в его софитах,
Пока не предал все мечты».

Эти строки, напечатанные на обратной стороне листа, терпеливо ждали своего часа, чтобы быть прочитанными. Александр Петрович планировал сделать это не раньше, чем когда ему начнет отказывать память – впрочем, теперь уже почти не вероятно, чтобы он дождался этого времени.

Следовало проверить состояние голоса. Для этой цели Дозинным использовалось шуточное стихотворение собственного сочинения: «Ле». Он торжественно продекламировал, встав с трона:

– Ленин и теперь живее всех живых,
И теперь, пожалуй, больше чем всегда.
Наш Ильич когда-то временно затих,
Чтобы, всё постигнув, смысл разгадать.
Вечно пусть идеи Ленина живут
В новом государстве и под новой кожей!
Ленину «рамштайны» песенки поют,
И он улыбается, в мавзолее лежа.
Трепетно касаюсь твоих мощей святых:
Это отрезвляет и в радости, и в горе.
Ленин, ты сейчас живее всех живых,
Но не забывай и о *memento mori*!

Речевой аппарат чуть дребезжал, но пока ещё легко подчинялся своему хозяину. Теперь – проверка умения выстраивать логические связи. «Ленин и теперь живее всех живых» – этот лозунг, звучащий приветом из прошлого века, отчасти справедлив, ибо «фотонегатив» земного бытия данного деятеля Свет проявляет бóльшим количеством умов, нежели «фотонегативы» людей дюжинных. С этой точки зрения Ленин «живее» многих и многих, ведь всякая жизнь в своей основе есть лишь сон Света о ней.

«Логика в порядке», – с удовлетворением заметил Дозин. Теперь оставалось дожить до вечера, чтобы совершить последний переход.

Александр Петрович умывался и чистил остатки зубов, когда на глаза ему попался маленький стеклянный домик, стоявший тут же для красоты. Он навел на мысли о нелегкой доле соседа с третьего этажа – Семена Ерофеева, известного также под ником «Яробой».

Ерофеев переехал в этот дом года три назад. Бритоголовый и крупный двадцатипятилетний детина стал снимать однушку вместо уехавшей к себе на родину кавказской четы. Главной особенностью внешности Яробоя было отсутствие левого уха. Этот дефект, разумеется, сразу же породил массу сплетен, но правды о его генезисе никто в доме, кроме Семена, не знал.

Несмотря на необычный недостаток, парень по первости не привлекал к себе ничего внимания: подтягивался во дворе, тягал дома штангу, сидел за компом, выгуливал немецкую овчарку по кличке «Тор», ездил на работу на «Совке», а также в парк Покровское-Стрешнево – тренироваться СГБ и немного «С-42» у Белова. Всё это – совершенно понятное и безупречное поведение.

Изменения произошли позже. Как-то раз, выгуливая пятничным вечером Тора, почти не пьющий Яробой схлестнулся у подъезда с компанией шумно гулявших прямо на детской площадке нетрезвых азиатов, которых он весьма корректно попросил покинуть неподобающее для кутежа место. Пьяные стали грубить и глумиться над Семеном, слышались угрозы. Азиаты были нелегалами – Ерофеев понял это, когда попытался просмотреть их закрытые лайф-профили сквозь прикрытые веки. Двоих он сумел вырубить, но остальные не только запинали проявившего активную гражданскую позицию молодого человека до почти коматозного состояния, вызвав тяжелое сотрясение мозга, но и застрелили из травмата собаку, которая, рыча и лая, рвалась в бой.

Отлежавшийся в больнице Яробой вернулся уже совершенно другим человеком – мрачно и холодно, исподлобья глядел он на мир. Молодому организму в этот раз не был причинен непоправимый ущерб, однако Семен вернулся с душой, покалеченной навеки.

Отказавшийся от практики благочестивой и относительно трезвой жизни, к которой до того его склоняли идеи, почерпнутые в «Mein Kampf», Семен начал всё чаще пить в одиночестве, забивать на работу, ночами бродить по улицам в поисках драк.

Яробой, возможно, уволился бы с работы, бросил всё и уехал на Донбасс защищать русских – там уже несколько лет не затихал вооруженный конфликт – но его остановил один «ВК» - пост. Журналистка, побывавшая на передовой, передавала, как в кого-то там попало осколками бомбы, и он получил тяжелое ранение глаз, легких, брюшной полости; голеностоп оказался раздроблен. Яробой прочел об этом, и его передернуло. Когда сперва ты побегаешь со стволом в камуфляже между полосами «зеленки», поубиваешь вдоволь, а потом тебя быстро и безболезненно ликвидируют – это одно. Но, простите, такое?! Уж лучше не торопиться за билетом на тот Свет – пусть Родина сама решит, когда придет пора ее защищать. А поразлагаться мы и здесь сможем...

Дозин видел, что Ерофеева в одночасье словно подменили, но плохо представлял себе, что тут можно предпринять. А парень от алкоголя всё больше терял голову.

Александр Петрович нередко сталкивался с Семеном в лифте. Раньше, еще до трагедии, молодой человек всегда уважительно приветствовал старца. После же возвращения из больницы Ерофеев стал агрессивен даже к Дозину. Хотя тот не был ветераном – просидел всю Великую Отечественную в лагере – для Ерофеева «деды» уже были неразличимы.

– Ну что, епть, довоевались? – пьяно брызгал слюной Семен. – Запустили к нам гнид цветастых, борцы с фашизмом?!

Дозин молчал. Лифт останавливался на третьем этаже. Яробой выходил не сразу – заторможенный, пошатывающийся, плечами задевающий двери, уже начинавшие закрываться.

Как-то раз на первом этаже в ожидании лифта одновременно оказались молодые мужчина и женщина в синем из бригады «скорой помощи» и Александр Петрович. Дозин услышал, что женщина что-то произнесла по телефону про «десятый этаж». Он не был знаком ни с кем оттуда, но понял: плохо соседу или соседке по подъезду. Сам он пока что «скорую» не вызывал...

Лифт приехал, и женщина – брюнетка с ярко покрашенными губами и пухлым ликом, улыбнувшись и перегородив дорогу старцу, произнесла извиняющимся тоном:

– Вы на следующем, извините!

– Мне выше, пустите! – ответил Александр Петрович, и, поколебавшись, ему позволили войти.

– Вам какой? – спросила брюнетка, нажимая на «десять». Ее коллега, державший большую «выездную» аптечку, молчал.

– Езжайте, я потом нажму! – махнул рукой старец.

Двери стали было закрываться, но тут влетел трезвый и злой Яробой. Оттолкнувшись от парня, двери открылись вновь.

– Нажмите на «третий»! – попросил Семен.

– Нет! Что мы – всех, что ли, собирать будем?! Вот еще! – возмутилась женщина, нажимая на «десятый». Залезать в лайфпрофиль, дабы выяснять репутацию парня, у медработников времени не было. – Не видите, что ли – «скорая»!

Пока лифт поднимался на десятый, Яробой тихонько матерился. Бригада «скорой» вышла, Дозин нажал на кнопку «тринадцать».

– Сука, теперь еще и с тобой ехать! – Ерофеев уже не мог сдерживать свой гнев, лайфпрофиль его передавал бордовый сигнал. – Старый зажившийся комми!

Левый боковой, влетевший в плечо старца, отбросил его на двери. Пол лифта затрясся. Александр Петрович встал прямо, потер руку – будет синяк. Он промолчал, но понял, что Ерофеев плохо кончит, причем не без некоторой помощи со стороны Александра Петровича.

А ни о чем не подозревавший Яробой тогда, выйдя на своем этаже и насвистывая «Хорста Весселя», открыл дверь своей квартиры, переоделся, умылся и приготовился отмечать «Перунов день».

...Дочистив зубы, Дозин взял из комнаты бокал и опять пошел на кухню. Более суток он голодал: ничего не ел, но пил много жидкости. Налив воды, Дозин забрал с собой в комнату стакан с графином. Напившись, старец снова принялся ретроспективно медитировать.

Глава 3

Бесценная возможность для хотя бы одностороннего общения с самим-собой-из-прошлого появилась у Александра Петровича в сентябре тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Случайный, как можно было подумать, дар был обретен после тяжелой болезни, сразившей его под холодным осенним московским дождем. Но, разумеется, ничего случайного не бывает.

Дело было так. После полуторанедельных жара и боли в сведенных от постоянного кашля мышцах живота мужчина к собственному удивлению обнаружил, что оказался в состоянии моделировать в голове объемные макеты различных объектов и даже самостоятельно существовавших квазисубъектов, которыми или мог управлять после акта креации, или они действовали автономно. Причем экзистенция этих видений была устойчива – существа и предметы, порожденные им, не исчезали после того, как внимание Александра Петровича переключалось на обыденный план бытия – он мог в любой момент вернуться в локальный мир, чтобы застать там картину всего, сотворенного им, в динамике и развитии. Эти фантомные реалии, вышедшие из его сознания, хоть и существовали незримо для окружающих, однако воспринимались им самим ничуть не менее живыми, чем всё остальное.

Таким образом, Дозин получил пропуск во внутреннюю Вселенную, бывшую уменьшенной копией внешней, эхом в неведомых никому кроме него закоулках пространства, и одновременно – подобием компьютерного твердотельного жесткого диска («Solid State Disk», «SSD»). С помощью него Александр Петрович мог обрабатывать, форматировать, трансформировать, объективировать и накапливать информацию, давая жизнь всё новым и новым созданиям микромира. В голове ли у Дозина, или где-то еще стали возникать, становясь всё глобальнее, живые картины. Они обвивали кольцом второго уровня существования, вход в который был заказан, как думал Дозин, всем кроме него. Вначале было жутковато, однако Дозин быстро освоился в изменившемся навсегда мире: водораздел прошел здесь, и стало казаться, что отныне до самого гроба он будет существовать в двух на экзистенциальном плане равноценных мирах, свободно перемещаясь по собственной воле между ними. Александр Петрович помнил, что нечто подобное уже происходило с ним раньше – лет с восьми и до четырнадцати-пятнадцати. Тогда он бродил по обраставшей гордым сталинским ампиrom столице, погруженный в бесконечную визуализацию внутренних Вселенных, забывая о том, кто он и где он, полностью отрезившись от каузального слоя. В миру фантазий он дышал, словно рыбка в воде аквариума, огражденная и защищенная стеклом. Новый же этап его работы над собой, он быстро понял это, уже не был лишь фикцией и игрой необузданного воображения. Чем же он был на самом деле?..

Обретенный дар впоследствии натолкнул Дозина на открытие, ставшее важнейшим в его жизни. Но еще до этого открытия, сперва неумело, он начал практиковать ретроспективную медитацию – параллельно освоенный навык.

Первые неумелые акты направленной в прошлое коммуникации в конце пятидесятых годов были нацелены как раз на тот период, когда Саша Дозин учился в шестом классе девяносто первой школы, что на улице Воровского. В результате юноша, шедший по улице как всегда погружившись в мечты и ничего не замечая вокруг, принял сигналы, которые в скором времени были преобразованы им в ценные советы.

В те мгновения окончательно оформился криптоязык общения с Изначальным Светом, или же с Дозиным-из-будущего – как угодно. Отныне Саша всегда знал: если его сознание сфокусировано на интенсивном переживании карканья московских ворон, это сулит ему удачу в самом широком смысле, если же в поле зрения вдруг оказывается «Форд» или скопированный с него «ГАЗ», то дело, стоящее на повестке дня, таит в себе опасности. Чем скорее уезжал автомобиль, тем вернее находился выход в Сашином судорожно работавшем мозгу – озарение,

куда пойти и что предпринять, чтобы обмануть расставленные на пути ловушки, или хотя бы как вырваться из капкана с минимумом потерь. «Положительно-отрицательное» распределение вероятностей «пророческих» событий отличалось непредсказуемостью, и это лишний раз подтверждало, что язык для приема советов свыше назначен верно. Когда перед Александром возникал «ГАЗ»/«Форд», он, будучи как настоящий пионер «всегда готов», нередко успевал предпринимать превентивные меры во избежание сложных и опасных ситуаций, но чаще всего ему удавалось лишь, «сгруппировавшись», достойно принять неизбежную дозу дистресса. Дозин уже начинал понимать, что его страдания тоже желанны Изначальному Свету, ведь через боль люди возвышаются и совершенствуются, становясь всё более ценными актерами в человеческой драме. Тем более когда постоянно, день за днем «высшие силы» напоминают, что эта боль неспроста. Интерес жизни и ее конечная познавательно-эстетическая функция незаметно стали для Александра самыми высокими приоритетами. Отмечая стопроцентное попадание во всех случаях «машинности» и «воронения», Дозин-из-прошлого двигался вперед по дороге жизни, следуя верным указателям, предотвращавшим попадание в колдобины и рытвины ремонтных бригад. Подобно Бояну вещему, Дозин-из-будущего акцентировал иной временной пласт своего же внимания на образах пернатых друзей, равномерно распределяя их в знаковых моментах прошлого и создавая узлы восприятия. В результате внутреннее равновесие его оказывалось неподвластным любым ударам судьбы. Если даже духовный мир бывал разрезан перочинным ножиком неудачной любви, снаружи он оставался невозмутимым, пока в душе царили твердые жизненные ориентиры: если резко начинала каркать ворона, это означало совет принять положительное решение, а когда показывался тот или иной автомобиль – отказаться от намерений. Начитанный Дозин знал, что в чем-то он следует по стопам древних ахейцев, какими они были описаны в «Илиаде» – те тоже угадывали свою судьбу по птицам... Правда, по их внутренностям, но таковы уж были веяния эпохи.

Ниже приводится отрывок из письма Дозина, датированного двадцать седьмым ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. В этом письме Александр описал своему деду Андрею Валерьевичу, проводившему время на базе отдыха на берегу Клязьминского водохранилища, своеобразную «нейронную сеть», которую он научился выстраивать для связи с прошлым:

«<...> с кучей моментов в былом я установил связь, а возможно – и выход туда наладил! Одновременно я осознал, что громадный отрезок пути уже в прошлом, он прожит. И как это хорошо! Теперь я могу выстроить подобие моста к нему и выхватить те моменты, которые казались безвозвратно забытыми. Чего только не вспомнил! И как в „Артеке“ отдельные слова ругательные узнавал, и как впервые сказал при маме услышанное в детском очаге от кого-то из детей слово „манда“, подивившись, что маме что-то при этом не понравилось... Я ведь в наивности своей полагал тогда, что это слово лишено смысла, то есть просто: „да-манда“ – рифма... Итак, я выстроил такой мост, и даже, что удивительно, послал себе в прошлое ряд сигналов! Тут же сам и вспомнил, как именно в прошлом я получал эти странные сигналы! В общем, так и живем...»

Украсив дорогу прожитой жизни предупреждающими и подбадривающе-вдохновляющими знаками, Александр Петрович Дозин начал глобальное целенаправленное планирование своей жизни: сколько лет прожить, что успеть сделать и, самое главное – когда и как ему лучше умереть. Дозин не хотел оставлять сюрпризам место...

Глава 4

Правый локоть Семена Ерофеева, татуированный синей «паутинкой», слабо завибрировал, после чего в гарнитуре, вставленной в его уцелевшее ухо, сработало голосовое напоминание, установленное им на случай, ежели слишком сильно развезет на июльской жаре двадцатого числа, и он забудет о праздновании «Дня Перуна». Яробой однако ничего не забыл, и потому слегка раздраженно бросил в микрофон лайфпрофиля, согнув руку: «Отбой!»

На самом деле, националист Семен быстро заводился, но был отходчив. Если глубоко копнуть, внешняя агрессия его (да и не только его) – лишь патологически гипертрофированная превентивная мера психологической защиты, тогда как сам он, являвшийся адептом родноверия, глубоко внутри уважал соотечественников-старцев.

В квартиру после того памятного «лифтового» конфликта с Дозиным Яробой заходил с едва ли до конца осознанными чувствами сожаления и досады на самого себя, которые он ощутил бы в полной мере, не будь его психика травмирована и затуманена приемами алкоголя.

Войдя же, Яробой забыл и думать о постороннем, целиком и полностью сосредоточившись на предстоящем ритуале: нужно было украсить капище Перуна и приготовить жертвенное оборудование.

В конце прошлого века родноверы черпали крупицы обрывочных знаний из книг и газет наподобие тех, что продавали у стен Исторического музея седобородые, с хитрыми глазами и длинными власами старцы, у которых под неоязыческой выкладкой печатной продукции обычно скрывалась фашистская пресса.

Теперь же биотехнологии развились до такой степени, что позволяли извлекать самые необходимые сведения, не отрывая пятую точку от стула: достаточно было всего лишь согнуть правую руку в локте и произнести в лайфпрофиль соответствующий запрос. Отплевываясь, фыркая и брызгая себе на лицо, Ерофеев вымыл руки, вытерся полотенцем и прошел в свою комнату, где, сев на стул, нашептал в стиб локтя следующее:

– Нужна информация о праздновании «Дня Перуна»! Еще раз: что делать и как...

Через секунду перед взором Семена материализовалась последовательность голограмм, и голос в гарнитуре просветил его, какие существуют варианты празднования.

Ерофеев выбрал то, что было близко лично ему, и приступил к подготовке, видоизменяя под себя традицию.

Когда всё было готово для ритуала, он водрузил на жертвенник самолично сшитое им тряпичное чучело птицы – набитую всякой ветошью и раскрашенную черной и серой красками недоворону – и торжественно гаркнул, воздевая к потолку глаза, руки и атам:

– Перуне! Вми призываю те!

Правую руку с зажатым клинком Ерофеев вновь согнул в локте, и хриплым от возбуждения голосом обронил:

– Пошла голограмма!

Тряпичная кукла ожила и превратилась в реалистичную фигуру вороны. Птица стала чистить перья, растеряно переступая короткими лапками. Яробой, схватив большой сачок, обездвижил ее, поставив в качестве гнета на рукоятку сачка полуторапудовую гирю, принесенную заранее. Ворона попыталась было вырваться из плена, но, само собой, ничего у нее не вышло.

Всё так же голосом через лайфпрофиль Семен активировал музыкальные колонки, стоявшие по углам комнаты, и в помещении фоном негромко зазвучала песня «Стенка на стенку» группы «Аркона».

Семен продолжил ритуал. Следовало определить, какая жертва угодна громовнику: живая, или же мертвая? Подбросив к потолку нож, Ерофеев увидел, как тот при падении слегка вонзился в половицу. В соответствии с обрядом, жертву срочно нужно было «умертвить».

Выхватив из пола нож и вращением кисти поменяв хват оружия на обратный, Семен размахнулся и ударил жертвенную птицу. Полетели «перья»; послышалось «карканье», полное боли и скорби. Семен еще раз ударил ножом; короткий виток пернатой сансары был завершен. Внутри сачка в лужице крови остывало мертвое тельце. Внезапно в воздухе запламенела гадательная голографическая надпись: «Быстро перебирая ногами, древний Мастер Танца создает полную иллюзию непрерывности Бытия, однако за каждый миг проходит столько циклов переждений мира, сколько молний может породить ваджра Индры». Хотя эту фразу только что случайно скомпилировал искусственный интеллект из обрывков сетевой информации, Яробой не мог не признать мысленно, что что-то в этом было.

Раздался сигнал входящего вызова ментофона. Ерофеев ответил в лайфпрофиль, и в воздухе перед ним возник объемный образ Вовчика Стайнара – давнишнего приятеля Яробоя: высокий лоб, забритый наголо череп, густые брови, нос картошкой, борода с усиками, камуфляж и извечная полуулыбка. Стайнар любил выпить еще похлеще Семена, но в то же время, как и Ерофеев, он старался не терять форму. Нередко дрался по пьяному делу на различных неформальных сходах типа «ЧП» или «болотки», с охраной клубов и так далее. Работал Стайнар спустя рукава промышленным альпинистом. Имел творческое хобби: изготавливал на досуге различные деревянные изделия по типу футляра для варгана или резной посуды, а также коллекционировал боевые ножи.

Хотя Вован созванивался с Семеном довольно редко, что-то их объединяло, и общение нет-нет, да возобновлялось.

– Здорово! – расплылся голографический Стайнар в улыбке. – Празднуешь? – добавил он, оглядев «кровавые» останки.

– Зиги! – приветливо кивнул Семен. – Есть такое дело.

– Слушай, ты как, не хочешь на ножевой бой походить? А то одному неохота.

– Некогда мне! – поспешил отмазаться Яробой, но, на всякий случай, уточнил: – Он платный?

– Бесплатно, к тому же еще и кормят. В основном «правые» там.

– Ого! Интересно. А когда?

– Среда и воскресенье, в обед на «Алма-Атинской». Обычно на воздухе, но иногда зал арендуют.

– В воскресенье можно попробовать, по идее. Что брать? Свой нож пластиковый?

– Да я просто думал, что если в Москве напарника не найду, то в Апрелевку гонять буду. Воды с собой полтора литра. Если хочешь со своим ножом, то бери, если нет – дадут. Свой ты мне скинул.

– Ну да, своего сейчас нет, – подтвердил Яробой. Черный пластиковый «Cold Steel», как и пневматический ствол, он продал Стайнару года три назад. Нож Вова использовал для тренировок сам, а пневмат подарил мелкому племяннику – пусть по банкам постреляет.

– Там дают, – подтвердил Вован.

– Звучит очень заманчиво! Надо съездить. Да, едем, в общем.

– Вот! Водичку возьмешь, одежду, обувь удобную, да и всё. Там парни некурящие – я от них шкерился подымить в сторонке, чтобы не мешать... Сейчас ссылку дам на группу ихнюю.

Очередная вибрация в правом локте Яробоя просигнализировала о получении ссылки. Махнув, Семен «сместил» образ собеседника влево от себя, а прямо перед своим лицом материализовал голографический интерфейс «ВБлизи» -группы казачьего ножевого боя, занимаясь которым его позвали. В ВБ-группе «КНБ» было почти сто тысяч человек. 3D-снимки

спаррингов его впечатлили, равно как и красивое клинковое оружие конца XIX века из чьей-то частной коллекции, гордо выставленное на всеобщее обозрение. Глаза Семена загорелись, и он оставил пальцем пару сердечек-«лосей». Он привык к рукопашке и фитнесу, нож же изучал лишь бегло по видосам. Теперь ему представилась возможность разнообразить навыки. Свайпнув Владимира обратно, он подтвердил свою полную готовность ехать на КНБ в ближайший же уикенд. Видимо, ему предстояло пережить много интересного и веселого...

Глава 5

Американский психолог и психиатр Эрик Берн научил людей видеть их прошивки, заложенные еще родителями в детей и якобы неизменные на протяжении всей последующей жизни. Между тем в реальности же любой бывалый пользователь ОС «Андроид» с многолетним опытом возразит Эрику, что неизменность заводской прошивки – чушь несусветная! Да, при смене прошивки велика вероятность превратить ваше устройство в «кирпич», а самое главное – не всем это и нужно. Но перепрошитый аппарат окажется в состоянии решать такие задачи, которые девайсам в стандартной комплектации и не снились! Перепрошитое сознание, обладая кучей бонусов по сравнению с обыденным мировосприятием, действует точно так же.

Не стоит забывать и о куда менее однозначной принудительной прошивке массового сознания – она вообще обновляется, как дамские перчатки. Вспомним середину девяностых двадцатого века. В связи с историческими условиями (отсутствием доступа в Сеть у абсолютного большинства населения России) на жизнь людей тогда программировал телеэкран. И что же мы видели, когда включали харизматичные картины того времени, прошивавшие своими патчами наши умы? Вечно молодого Сергея Бодрова-младшего, невероятно дерзкого, угрожающе бросающего в лицо приезжему кавказцу, не оплатившему свой проезд в трамвае: «Не брат ты мне, гнида черножопая!» Не надо забывать, что, по сюжету, герой Сергея, которого звали Данила Багров, только что вернулся из Чечни, где участвовал в боевых столкновениях с ваххабитами, и потому его слова не совсем беспочвенный акт ксенофобии – по крайней мере, своя психологическая подоплека у них есть. А вот их дальнейшее действие по прошивке массового сознания лет на десять и даже более – отдельная песня. Москвичи со стажем легко могут вспомнить многочисленные сцены уличных боев с представителями различных этносов, перемешку с которыми, возможно, мелькали и их собственные лица.

В начале нулевых продолжение «Брата» выстрелило уже новой прошивкой: сила, мол, «не в деньгах, а в правде!» Лишь позднее с подачи ПВО мы поняли, что существование объективной правды без подкрепления силовых ресурсов очень шатко и эфемерно, и нашли себе уже новые прошивки без подсказки покойного «Брата». Жаль, конечно, Бодрова, но вот сам факт, что без него теперь ищем – пожалуй, и к лучшему. Чтобы убедиться, достаточно прочитать его посмертно опубликованный сценарий фильма «Связной»: бандюганы девяностых, ксенофобия и герыч. Самостоятельным поискам прошивки в эпоху Интернета помогла расщепленность массового сознания на миллиарды микроскопических «СМИ». Каждая такая частица вещает сама себя другим, участвуя в создании поля ноосферы невиданной прежде плотности и разншерстности, где переплетается в одном сложном рисунке духотворчество, дьяволотворчество и богосотворчество человеческих объединений и одиночек. Что в итоге получится, фиг его знает, однако можно смело констатировать, что каждый волен жить и творить в меру своих сил и практически как заблагорассудится. Когда ты сам себе СМИ, становится виден как на ладони весь механизм манипулирования тобой и твоими предками. Тут уж каждый норовит себя переписать: выбрать эффективный базовый алгоритм, удовлетворяющий потребностям и помогающий не стоять на месте в вечно изменчивом мире в ходе решения всяческих вопросов.

Александр Дозин уже давно нашел свои ответы...

Путешествия твердоматериальных структур Бытия в прошлое невозможны в принципе. Натурально, необратимо абсолютно любое преобразование субстанции в пространстве и времени, имевшее место в действительности. Всякое изменение влечет за собой новую волну изменений, связанных между собой незримыми неразрывными нитями. Сие является камнем преткновения, о который разбиваются иллюзии тех, кто полагает, будто реку времени можно повернуть вспять, и который выбивает реалистическую почву из-под ног многих весьма крупных писателей жанра sci-fi.

А вот путешествия по оси сознания в любую сторону вполне возможны – временной пласт ментальности не зависит от каузальности воспринимаемого сегмента Бытия и более пластичен по своей сути. Изначальный Свет, как полагал Александр Петрович Дозин, потруился на славу, создав этот мир и запрограммировав цепь событий от момента зарождения Вселенной через всю ее историю до последнего предела, вдобавок сделав то же самое для бесконечного числа всех параллельных Вселенных мультиверса. Но что характерно – сознание в этой сверху донизу детерминированной модели осталось отчасти свободным и независимым от теней ее. Более того, достаточная степень тренированности позволяет личности путешествовать в капсуле мысли по различным состояниям прожитой жизни, и даже загадочным образом оказывать на них влияние.

Почему бессмысленно сожалеть о прошлом? Потому что прошлое – результат триумфа влечений, носители которых победили благодаря силе, опыту, знаниям, уму или хитрости. Ситуация всегда складывается «здесь» и «сейчас», и потому, действительно, история не имеет сослагательного наклонения: в армрестлинге всегда выигрывает тот, кто сильнее, подготовленнее или техничнее в данный момент. Но вот научить историю может, вопреки поговорке, очень и очень многому... История – это и книга Абсолюта, и фильм, снятый по этой книге. Само собой, Дозин отдавал себе отчет в том, что изменить ход сценария его жизни все его «ментальные визиты» и «back-трипы» бессильны. Но в чем они действительно помогали и были незаменимы – в оценке ситуаций, выстраивании прогнозов и смягчении острых углов, о которых приходилось время от времени шлифовать кровавые морщины *volens nolens*. Ну а как иначе он дожил бы до столь преклонных, почти библейских лет?.. Причем если на ранних этапах ретроспективной медитации у Александра Петровича выходило лишь подстраивать свои переживания под объективные картины событийности, чтобы вовсе избежать боли или подготовить себе травку, предвосхитив ее, то теперь он научился вызывать в сознании себя-в-прошлом достоверное ощущение, что предупреждающее событие произошло в действительности, даже в том случае, если это было иллюзией. Да и как вообще можно с достаточной степенью достоверности различить иллюзии и реальность в мире, который сам по себе – лишь сбалансированный здоровый послеобеденный сон Изначального Света, натянувшего на свои довольные щеки маску каузальности?.. В соответствии с главным требованием к фабуле и сюжету этого сна – интересу, вызываемому им в мировой пустоте вопреки скучной всемогущей зевоте ее – испытания, встреченные Дозиным на пути, всегда были хотя и крайне тяжелыми, но вполне выполнимыми – такими, чтобы на «нормальном» уровне сложности пройти всю игру и завалить главного врага-босса, то есть самого Дозина.

Медитируя вдохновенно, Дозин продолжал двигаться рывками по шкале минувшей жизни: то поднимаясь чуть выше, то снова срываясь вниз. Перед ним проследовали бусинами первые школьные годы и летний отдых в «Артеке». Не столько вспомнилось, сколько заново ощутилось и внутренне пережилось то, что в реальности имело место более девяти десятков лет назад. Оживали давно усопшие люди, бывшие тенями другой эпохи, другой страны, другого исторического среза...

Застенчиво улыбаясь, мимо него по «артековской» аллее прошла косолапая, хромоногая Женя. Почти все ребята насмеялись над девочкой, но в мальчике Саше она рождала лишь сочувствие. Он уже тогда подсознательно стремился любить всё живое, что бы им ни руководило – чакры ли, разумный ли эгоизм, или что-нибудь еще.

Смена кадра: пионерская утренняя линейка. Отыграли горнисты, по краям прямоугольной площадки ровными рядами выстроились ребята. Им что-то говорят – Саша не особо вслушивался тогда, не очень-то вслушивается и сейчас.

Вот – подготовка к какому-то очередному лагерному празднику. Саша – один из семи «гномиков», маленьких мальчишек. Кроме Саши Дозина, остальные ребята на репетиции всячески издеваются над «Белоснежкой» – девочкой постарше – и дразнят ее.

После показа их номера все «гномы», получившие в подарок конфеты, разбежались кто куда – один лишь Дозин подошел к «Белоснежке» и отдал ей сладость.

– Держи, Белоснежка, это – тебе!.. – произнес он неуверенно, через силу, отчаянно стесняясь. Девушка улыбнулась ему, принимая подношение. На душе Дозина стало хорошо и приятно.

Глава 6

В воскресенье около часа дня Яробой собрался ехать на ножевой бой. Натянул камуфляжные штаны, зашнуровал высокие крепкие ботинки; надел бомбер с нашитым на рукаве черным японским иероглифом «хана» («цветок») на фоне белой окружности в центре развевавшегося алого знамени – собственный дизайн Семена.

Когда Ерофеев вышел из дома, самопроизвольно активировался сигнал обнаружения его лайфпрофиля. Для всех других устройств он теперь был виден на карте навигации как буквы и цифры индивидуального субъектного идентификатора. ИСИ был по сути паспортом нового времени, вживляемым под кожу и вне жилища его владельца постоянно автоматически предъявляемым первому встречному владельцу собственного лайфпрофиля. Всем, в кого монтировался «родной» лайфпрофиль, в обязательном порядке присваивался уникальный номер ИСИ. Лайфпрофили уже почти у всех, а дурачков, желающих поставить «левак» и подвергнуть собственную драгоценную психику атакам хакеров, не видно. Все идентификаторы имеют стандартный вид: инициалы, дата рождения и порядковый номер данного сочетания, ежели оно не впервые встретилось при установке лайфпрофиля. Скажем, индивидуальный субъектный идентификатор Александра Петровича Дозина имел следующий вид: «ИСИ-АПД-10041923-01», где единица в конце означала, что никого с таким сочетанием даты рождения и инициалов при установке лайфпрофиля еще не было до Дозина. Что, впрочем, и неудивительно.

По закону, находиться на улице с включенной блокировкой сигнала ИСИ могли только представители спецслужб. Данная практика позволила пресекать многие противоправные действия в зародыше, ведь транслировалось буквально всё, включая состояние сознания субъекта. Скажем, пьяным или, упаси Господи, укурренным по улице было уже не пройти – полиции больше не надо было следить за этим, поскольку ИСИ торопился красным сигналом тревоги угодливо стукнуть сам на себя в ближайший же участок сетевой полиции со всеми вытекающими чейнкойнами штрафа. Ерофеев от этого очень страдал. Более того, каждому при желании теперь были видны: социальный статус собеседника, его семейное положение, некоторый спектр эмоций, психологический настрой, а также вероятность, что он говорит вам правду. Доступны были и общие ВБ-группы, интересы; социотипы по основным классификациям (при всей сомнительности обязательного расслоения функций на «сильные» и «слабые»). Соционические дуалы теперь видели друг друга за версту и дальше; конфликтеры сторонились, а товарищи по квадре искали и находили друг друга гораздо легче. Вор-рецидивист уже не мог бы устроиться в магазин кассиром, и вряд ли какой-либо банк выдал бы ему кредит... Однако в связи с тем, что денежные транзакции чейнкойнов теперь проходили через лайфпрофили, любой человек даже с самой ужасной репутацией мог подработать в Сети: помочь больным, перевести слепого через дорогу, убрать мусор на улице, посадить бабушку в автобус, разгрузить грузовик картошки. Когда это фиксировалось надбровными видеокамерами чужих лайфпрофилей, средства из специального чейнкойн-фонда социального обеспечения перечислялись на счет. Этих сумм обычно хватало, чтобы прожить не впроголодь.

Ерофеев уже подходил к метро «Южная», тихо-мирно печатая шаг под игравшую в правом ухе из лайфпрофиля ностальгическую композицию «Два брата» группы «Коловрат», когда на пути его внезапно нарисовался местный негр «Черкаш», как его прозвали жители района. Черкаш всегда ошивался здесь по утрам, а порой и днем – выпрашивал у прохожих чейнкойны себе на водку, чтобы уединиться с ней в подвале заброшенного дома, подальше от вездесущих камер: хоть собственного лайфпрофиля с ИСИ у него, кажется, не было (чейнкойнами он расплачивался через ввод пароля), это не означало, что теперь можно спокойно нагнеть.

Отчаянно жестикулируя, негр всячески пытался вызвать в Яробое жалость и желание переписать на его виртуальный счет хотя бы пару звеньев чейнкойн-участка. Увидев, что Ерофеев никак не реагирует на потуги привлечь его внимание, негр решил попытаться схватить парня за рукав. Удар Яробоя локтем в черное предплечье пресек его попытку, и Семен беспрепятственно проследовал в метро. Сообразив, какую именно песню он при этом слушал, Семен не мог сдержать улыбку.

Ерофеев отправился на «ножи» один. Стайнар не поехал ни на «Алма-Атинскую», ни в Апрельку – он познакомился с новой бабой, и с вечера субботы зависал у нее, не желая прерывать приятный отдых.

Выйдя из метро, Семен проговорил в локоть:

– Закрывать все страницы! Автономная работа. Тэги: «КНБ», «поляна», «маршрут».

Профильный навигатор надиктовал парню весь путь до поляны. Случилось так, что Семен в первый же приезд на ножевой бой угодил на соревнования – бои до трех акцентированных попаданий резиновым оружием. Среди собравшихся прежде всего впечатляли мужчины явно казачьего вида. Самому Семену участвовать было бы рано, а вот посмотреть – то, что нужно! Ерофеев, впрочем, опоздал и пришел лишь на четвертьфинал. Бились два Юрия – «белый» и «черный» (цветовое отличие их одежды). Все шутили, что «ставлю», мол, «на Юрку». Постоянно слышались пока еще непривычные уху Ерофеева выкрики судей и зрителей:

– Ну что, было?

– Нет, всколзь!

– «Обоюдка»!..

Судьи попросили «прикрыть» сзади одного из соревновавшихся, сузив тем самым круг и лишив бойца возможности без конца отступать. Семен встал за «белым» Юрой. Боец попросил его поддержать снятую им балаклаву, и Яробой принял у него из рук белый вязаный головной убор.

Судья зафиксировал на небольшой пространственной 3D-проекции лайфпрофиля «белого» Юрия-победителя и пригласил следующую пару – двух каких-то рыжебородых мужчин, которых в шутку окрестили «косплеерами Дёмы». Другой судья, стоявший справа, в отличие от левого, попросил Семена встать чуть подальше, чтобы предоставить бойцам больше пространства для маневра («А то как в лифте!»). Левый судья немного с ним поспорил, но уступил.

Следующими бились парень в маске, прикрывавшей рот и нос, как у ниндзя из «Mortal Kombat» (зрители тут же наделили его прозвищем «Скорпион») и девушка. Соперница Скорпиона, пропустив колющий удар в живот, скорчилась от боли. Скорпион нанес свои три удара первым. Когда его объявляли победителем, он всегда театрально кланялся, будто японский самурай, и кто-то из зрителей неизменно прикалывался:

– Scorpion wins!

Приземистый Мосин в синей куртке бился за третье место с подтянутым усачом в черной одежде. Они так много раз обоюдно поразили друг друга, что судья начислил обоим по два очка. Оставался один решающий удар – его сумел нанести усач. С поклоном он элегантно поблагодарил противника за спарринг.

Мосин оказался на третьем месте, первое же досталось Скорпиону, вырвавшему трудную победу в финале у усача в черном. Для группового фото тройки лидеров с медалями на шеях Скорпион не согласился снять маску, из чего Яробой сделал вывод, что чемпионские навыки того – плоды не одних лишь тренировок. Главному герою дня судьи вручили красивый японский декоративный нож.

После турнира Яробой умудрился всё же провести спарринг с одним из парней, бывших там, и вдоволь поработал тренировочным клинком, парируя, прыгая и уклоняясь от атакующих выпадов оппонента.

Когда Семен возвращался с места турнира к метро, Стайнар по ментофону снова вызвал его:

– Ты где сейчас?

– Только что закончил тренинг и турнир смотреть по ножевому, на который ты не приехал... – Семен передал картинку окружающего пространства.

– О! А мы на «Краснухе»! Жди, сейчас подкатим! Подождешь минуток пять?..

– Хорошо, давайте! – пожал плечами Яробой и присел на лавочку возле вестибюля метро, запросив в локоть новости. В единственном ухе рассказали о том, что, по слухам, в Москве готовится очередной теракт – давненько их не было! Спецслужбы зафиксировали факт несанкционированной перепродажи новейшей мощной взрывчатки, но след злоумышленников обрывался... Дослушав новости, Яробой отключил профиль.

Какой-то мужик играл на гитаре перед входом, ногой отбивая ритм с помощью педали большого барабана. Музыкант доигрывал «Hotel California». Семен, видевший его прежде в других местах Москвы и знавший, что тот хорошо исполняет «Металлику», подошел и, кинув мелочь, попросил сыграть балладу «Unforgiven»; мужчина кивком дал согласие на его просьбу, переходя к начальным переборам композиции. В воздухе сразу стало романтичнее.

Из стеклянных дверей показался Стайнар с его новой пассией, которую звали «Наташей». Наталья была невысокой и улыбчивой миловидной коротко стриженной девушкой с пирсингом в носу и около брови. Они, видимо, возились и игрались всю дорогу: увидев Семена, Наташа вручила ему небольшой черный рюкзак с приделанным к нему хвостом лисы, сказав: «Держи, не отдавай ему! Он недостоин нести!» Ерофеев включился в игру – накинув лямку на плечо, приготовился защищать рюкзачок девушки. Вова бросился в бой: схватился за рюкзак, пытаясь его вырвать, при этом весьма ощутимо наступил Семену на ногу. Глянув коротко в ИСИ-фон Стайнара, Ерофеев понял, что тот так поступил нарочно. Яробой применил коварство: вместо того, чтобы тянуть на себя за лямки хвостатую емкость, рискуя порвать ее, он отпустил рюкзак, зашел сзади и, взяв поясицу Стайнара в обхват, провел бросок через подножку. Когда оба они упали, Яробой, оказавшийся сверху и не на шутку обидевшийся за свою ногу, жестко уперся локтем в шею Стайнара, а коленями стал подавливать его корпус. Ерофеев ощутил лютую агрессию, почувствовав себя воином.

Наталья всячески подбадривала ребят, пока подошедший полицейский не разнял их, при этом Владимир попытался пнуть напоследок Семена по голени. У Ерофеева тряслись руки после схватки – давно он так не развлекался! Наташа, глядя на него, так быстро дважды хлопнула веками, что стало очевидно: сделала «ресничный снимок» камерой, вживленной над глазами. Впрочем, пополнять «коллекцию взглядов любезных» самому желания у Семена не возникло.

В обиде тоже никто не остался, ведь для мужчин сила и ярость – всегда радость.

Глава 7

Понятия яви и сна не столь уж различны меж собой, как это принято считать. Когда мы засыпаем или просыпаемся, когда мы засыпаемся или просыпаем, мы так или иначе создаем мир вокруг себя. И создаем мы его из той самой единственной мировой субстанции, которая всегда у нас под рукой. Кирпичики и молекулы мироздания – мы сами. Метафора сна чудесно глубоким образом иллюстрирует наше Бытие: сам себе сон показал, сам по нему погулял, сам видео про свои приключения снял, сам же его посмотрел и с лойсом зарепостил себе на стенку, а заодно и всем своим клонам и сообществам.

Проблема природы сознания не оставляла в покое Дозина на протяжении почти всего столетия его существования. В один из дней, проведенных в «Артеке», мальчик Саша ощутил себя как-то странно: вдруг почудилось, будто он сам и весь мир вокруг – не твердая в своей основе структура, и не искра, которая вот уже почти десяток лет каждое утро зажигает сама себя, чтобы угаснуть каждую ночь – а всего лишь иллюзия этого, вбитая ему в голову кем-то неведомым, и сам Саша лишь сейчас возник на бренном теле Земли. Таким он и застыл в Вечности – маленьким мальчиком возле прачечной, осененным своим сатори, а вместе с ним восхищался тайной бытия, раскрывшейся перед ним бутоном волшебного цветка, он же сам, но трижды в возрасте Христа...

Оторвавшись от своей ретроспекции, Дозин совершил очередное дережаблирование между событиями и вернулся в настоящее – одинокий больной старец на «троне», затерянный где-то на «Южной» вместе со своей квартирой. Пока ноги ходят сами, Дозин обходится без палочки. Руки его еще могут что-то сделать, а рукопожатие даже крепко. В голове – вообще синклит целый! Но всё же скоро не станет его, и дальняя родственница Дашка переедет жить сюда – всё именно так, как распланировано Изначальным Светом на пути к Агендону и Новому Витку Всего, за которым будут еще один, и еще – без конца во всех мыслимых и немыслимых направлениях вширь и вглубь. Ибо таково неизменное свойство Изначального Света – предоставлять материальность всем возникающим видам идеальности.

Александр Петрович оделся по-уличному и вышел из квартиры – надо было прикупить грецкие орешки, рисовые хлебцы и морковь. С приятным звуком активировались лайфпрофиль с ИСИ, до этого пребывавшие в гибернации. Вмонтированный в ушные раковины распечатанный на биопринтере тканезаменитель нежно проворковал женским голосом: «Добрый день, дедуля! Чего изволите?» Голос выжидательно помолчал с минуту, но так как Дозин не спешил включать щелчком пальцев голографическую клавиатуру или отдавать голосовой приказ в свой локтевой сгиб, Сири вновь заснула. Александр Петрович подумал было заглянуть в «SSD», где его всегда ждали запертые там вне времени и пространства души, но решил, что пока не стóит.

В магазине на кассе с Дозиным поздоровалась знакомая пухлощекая улыбчивая девушка Настя, которая, помахивая здоровенным дилдообразным жезлом-считывателем, следила за валидацией чейнкойнов. Дозин кивнул и ответно поприветствовал ее.

– Как здоровьице ваше? – поинтересовалась контролерша, просовывая свой дилдак прямо сквозь словно по волшебству появившиеся возле головы Дозина голографические символы чейнкойн-счета.

– Пока еще тьфу-тьфу – живой! – Александр Петрович нарочно на людях говорил еще сильнее дребезжавшим голосом, стараясь не выглядеть чересчур уж молодцевато для своего возраста. – А так – какое уж тут здоровье... Как там бабушка твоя?

Бабушку Насти Дозин знал еще в годы правления Брежнева.

– Спасибо, с бабушкой всё хорошо вроде!

Кивнув, Александр Петрович прошел с покупками далее, чтобы не задерживать поток покупателей, в основном, как всегда, бравших вино, водку, сигареты, мясо, дрожжевой хлеб, чай, кофе, соль, сахар и сладости. Жизнь большинства людей слишком пресна и пуста, и чтобы не слишком уж ее затягивать, они глотают фастфуд, пьют крепкий кофе, колу; курят, принимают алкоголь или чего похлеще. Когда потом бегаешь по больницам или считаешь с ровесниками, у кого больше болячек – уж точно скучать не будешь.

На выходе из магазина стоял автомат для печати 3D-фотоснимков из «ВБлизи». На миг Дозин почувствовал нечто, похожее на угрызения совести, ведь на этом самом автомате он не так давно распечатал пару снимков Ерофеева, готовя месть за его поведение, и в результате произвел «выстрел по пиофилиде из гранатомета М1». На трехмерном ВБ-снимке улыбающийся одноухий Семен был изображен с бутылкой пива в одной руке и кастетом в другой. Снимок потребовался Александру Петровичу, чтобы изменить экзистенциальный скрипт каталога Изначального Света, ответственный за материальное развоплощение Ерофеева. Изменяя структуру кода, до определенного времени ежедневно выбрасывавшего душу молодого человека на твердый обитаемый берег и еженощно уносившего его сознание обратно в бассейн Изначального Света, Александр Петрович преследовал корыстные цели: запереть душу молодого человека в своем «SSD», дабы наказать и перевоспитать некоторую часть его личности. Нет, сам Дозин не убивал Яробоя – он лишь перехватил и подверг консервации то, что, как он сумел разглядеть в скрипте, уже и так летело в Изначальный Свет на переработку.

Прошло уже более полувека с конца тысяча девятьсот пятидесятих, когда Александр Петрович делал лишь первые робкие шаги в работе как со своим «секретным микромиром», так и с метавременной осью собственного сознания. И если в том, что касалось непосредственно его ума, всё представлялось более-менее понятным и скоро должно было прийти к логическому финалу, то есть растворению сознания вдоль всей временной оси его, то в практике работы с «SSD» он успел лишь довольно смутно наметить потенциальные горизонты своих возможностей, казавшихся здесь почти необозримыми. Он практически был осознавшим себя Богом, и быть Богом ему было просто. Дозин знал, с какой целью запер сам себя в смертной оболочке, и потому был свободен и независим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.